

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.23>

Панкратова Александра Владимировна

МИФ И СИМУЛЯКР КАК ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ КАТЕГОРИИ

В статье проводится сравнительный анализ категорий "миф" и "симулякр" с целью установить разницу онтологического статуса данных понятий. Актуальность исследования связана с необходимостью корректного использования категорий "миф" и "симулякр" при осмыслении феноменов современной культуры. Сравнение опирается на четыре аспекта мифа А. Ф. Loseva: личность, история, слово, чудо, - и дополняется пятым аспектом - бытие. В результате установлено, что содержание понятий "миф" и "симулякр" противоположно: миф - это сообщение о бытии, а симулякр - это сообщение о небытии.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/23.html

Источник

Манускрипт

Тамбов: Грамота, 2018. № 11(97). Ч. 2. С. 283-288. ISSN 2618-9690.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/9.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/9/2018/11-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

7. Палей Е. В. «Открытие» в образовательном пространстве // Вестник гуманитарного факультета Ивановского государственного химико-технологического университета. 2014. Вып. 7. С. 97-104.
8. Урываев В. А. Феномен лиминальности и проблемы становления личности // Философия и/или новое интегративное знание – 3: сборник материалов всероссийской научной конференции / под ред. А. В. Азова. Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2013. С. 302-310.
9. Фуко М. Что такое Просвещение [Электронный ресурс]. URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000554/index.shtml> (дата обращения: 14.09.2018).
10. Хайдеггер М. Бытие и время / пер. с нем. В. В. Бибихина. Х.: Фолио, 2003. 503 с.
11. Хайдеггер М. Учение Платона об истине // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. В. В. Бибихина. М.: Республика, 1993. С. 345-361.
12. Шелер М. Избранные произведения / пер. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филиппова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

TESTING BY KNOWLEDGE: EDUCATION AS FORMATION OF COGNITION SUBJECT

Palei Elena Vadimovna, Ph. D. in Philosophy
Ivanovo State University of Chemistry and Technology
ev-paley@mail.ru

The article considers the cognitive dimension of education as testing space that forms the horizons of the reality perception and the criteria of truth. The author emphasizes that the process of forming cognition subject has existential consequences, knowledge acquisition acts as acquisition of self-being. The paper notes dangerous trends in modern education transformations associated with the subject's infantilization, creation of illusory ideas about his/her cognitive status.

Key words and phrases: testing by knowledge; cognitive dimension of education; cognition subject; education values; "laboratory" character of education; infantilization of education subject.

УДК 1; 18

Дата поступления рукописи: 03.10.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.23>

В статье проводится сравнительный анализ категорий «миф» и «симулякр» с целью установить разницу онтологического статуса данных понятий. Актуальность исследования связана с необходимостью корректного использования категорий «миф» и «симулякр» при осмыслении феноменов современной культуры. Сравнение опирается на четыре аспекта мифа А. Ф. Лосева: личность, история, слово, чудо, – и дополняется пятым аспектом – бытие. В результате установлено, что содержание понятий «миф» и «симулякр» противоположно: миф – это сообщение о бытии, а симулякр – это сообщение о небытии.

Ключевые слова и фразы: миф; симулякр; симуляция; знак; субъект мифа; чудо; слово; сообщение; история; субъективное бытие; объективное небытие.

Панкратова Александра Владимировна, к. филос. н., доцент

Гуманитарно-прикладной институт Национального исследовательского университета «МЭИ», г. Москва
sashaoscar@mail.ru

МИФ И СИМУЛЯКР КАК ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ КАТЕГОРИИ

Актуальность темы исследования связана с тем, что философское осмысление современной культуры с необходимостью сталкивается с феноменом симуляции. Современная социокультурная среда практически полностью переместилась из реальности в гиперреальность. Феномены гиперреальности, которые ранее определялись как факультативные и риторические, – дизайн, виртуальная среда, бренды и т.д. – сегодня становятся содержанием культуры. Единицей гиперреальности и основной знаковой формой в постмодерне является симулякр. Одновременно, начиная с середины XX века, в исследованиях, связанных с феноменами современности, фигурирует категория «миф». Процессы, происходящие в гиперреальности, – восприятие рекламы, реакция на дизайн и т.д. – нередко рассматриваются как современная мифология. То есть и категория «миф», и категория «симулякр» используются при описании современной социокультурной парадигмы и употребляются в сходных ситуациях. Однако до сих пор не существует исследования, в котором проводилась бы смысловая граница между данными категориями, а также эксплицировалось бы различие философского содержания «мифа» и «симулякра». Между тем современная культура все больше погружается в гиперреальность, и любые философские исследования современности в дальнейшем будут связаны с процессами симуляции и мифотворчества.

Таким образом, сравнительное исследование философского содержания категорий «миф» и «симулякр» может быть представлено как актуальное.

Целью исследования является демаркация категорий «миф» и «симулякр».

Задачей исследования становится, таким образом, экспликация различий философского содержания категорий «миф» и «симулякр». Эта задача решается путем использования для сравнения данных категорий «окончательной диалектической формулы» мифа, сформулированной А. Ф. Лосевым.

Научная новизна работы заключается в том, что это первое исследование, в котором проводится сравнение категорий «миф» и «симулякр» и точно формулируется различие философского содержания означенных категорий.

Практическая значимость предлагаемой работы связана с корректным использованием понятий «миф» и «симулякр» в дальнейших исследованиях феноменов современности. Более того, правильное понимание различия процессов симуляции и мифотворчества является необходимым условием дальнейшего развития и функционирования многих современных практик, например, дизайна, моды, рекламы. Так, в современном дизайне назрел переход от постмодернистской парадигмы, построенной на симулякрах и симуляции, к новой эпистеме, которая, возможно, пойдет по пути, связанному с мифом.

В настоящее время исследование современных культурных феноменов, таких как дизайн, мода, реклама, социальные сети, тесно связано с понятиями миф и симулякр. Начало философскому осмыслению продуктов массовой культуры положили Ж. Бодрийяр и Р. Барт. Ж. Бодрийяр ввел в научный дискурс понятие «симулякр», а Р. Барт активно использовал понятие «миф» для объяснения различных аспектов жизни в эпоху постмодерна.

Сегодня стало общим местом использовать понятия «миф» и «симулякр» для описания событий или явлений постмодерна, однако именно эта повсеместность использования требует выяснения того, как соотносятся данные термины, можно ли их использовать в качестве синонимов, или они, напротив, имеют принципиально различное содержание.

Исходя из описания феномена симуляции, содержания понятия «симулякр» и характеристики гиперреальности, данных Ж. Бодрийяром, можно предположить, что симулякр и миф выражают прямо противоположные смыслы и являются антонимами, так как симулякр – это знак, лишенный референта, а миф, с точки зрения семиотики, это знак, не просто имеющий означаемое, но отсылающий к трансцендентному означаемому.

Развернутый анализ понятия «миф» дает А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа». Р. Барт в «Мифологиях», «Системе моды» и других работах объясняет, как функционирует миф в современности и применяет понятие «миф» для анализа феноменов повседневной жизни в XX веке. Для Р. Барта миф является инструментом исследования современной действительности, для А. Ф. Лосева – предметом анализа. Однако, несмотря на то, что Р. Барта интересует современная мифология, а А. Ф. Лосев в основном рассматривает миф как идею и философскую категорию, между пониманием Р. Барта и А. Ф. Лосева нет противоречий, напротив, «Диалектика мифа» и работы французского культуролога дополняют и уточняют друг друга, совпадая в принципиальных моментах.

Поэтому при сравнении понятий «миф» и «симулякр» будем опираться на «Диалектику мифа» А. Ф. Лосева как на более развернутое исследование, дополняя его мнениями Р. Барта и М. Элиаде. Исчерпывающее описание симулякра дает, естественно, Ж. Бодрийяр.

Согласно Ж. Бодрийяру, симулякр – это копия, не имеющая оригинала в действительности, пустой образ, лишенный референта. Ж. Бодрийяр выделяет три порядка симулякров, сменяющих друг друга параллельно изменениям закона ценности: «подделка» в классическую эпоху, «производство» в эпоху промышленной революции, «симуляция» в современном мире.

По определению Р. Барта миф является словом, сообщением [1, с. 72] и строится как вторичная семиотическая система на основе существующей последовательности знаков. «Миф представляет собой особую систему, и особенность эта заключается в том, что он создается на основе некоторой последовательности знаков, которая существует до него» [Там же, с. 77].

Ж. Бодрийяр и Р. Барт дают определения симулякру и мифу с семиотической точки зрения. Симулякр – это знак, не имеющий означаемого. Миф – это сложный знак, который включает в себя благодаря системе коннотаций более простой знак первичной семиотической системы, надстраиваясь над ним, как вторичная система смыслов. С точки зрения семиотики, симулякр является чистым означающим, не отсылающим ни к чему, а миф – это знак, который отсылает к трансцендентному означаемому.

Трансцендентным означаемым является идеология общества в данный исторический период, общечеловеческие ценности или четко не формулируемый «глубокий смысл» вещи.

Если попытаться не только рассматривать миф и симулякр как знак, а эксплицировать онтологическое содержание данных категорий, то уместно воспользоваться «окончательной диалектической формулой» А. Ф. Лосева.

А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» выводит формулу мифа: «...миф есть в словах данная чудесная личностная история». Миф, по А. Ф. Лосеву, характеризуется четырьмя составляющими: 1) личность, 2) история, 3) чудо, 4) слово [9, с. 213].

Рассмотрим миф и симулякр в этих четырех аспектах.

1. Личностный аспект

Все построения в «Диалектике мифа» А. Ф. Лосева основаны на суждении о мифе с позиций мифологического субъекта, как единственном способе понимания мифа: «Надо сначала стать на точку зрения *самой* мифологии, стать самому мифическим субъектом. Надо вообразить, что мир, в котором мы живём, и существуют все вещи, есть мир *мифический*, что вообще на свете только и существуют мифы. Такая позиция вскроет существо мифа как мифа» [Там же, с. 35].

«Миф есть бытие личностное» [Там же, с. 97]: личность является мифом не в силу своей индивидуальности, а в силу того, что она сама является продуктом собственного мифологического сознания, её понимание

себя неразрывно связано с мифологической парадигмой. Собственную кровь, волосы, кожу носитель мифологического сознания понимает и конструирует с точки зрения личностно-мифического сознания.

Р. Барт в «Системе моды» и других работах также говорит о личностном восприятии мифа. Например, вовлекаясь в мир представлений глянцевого журнала или рекламы, реципиент становится субъектом мифа, носителем мифологического сознания, и начинает искренне разделять ту идеологию, которую на уровне коннотаций внушает рекламное сообщение. Мифическая реальность существует только для носителя мифа. Миф можно воспринять только изнутри. Истолкование мифа ведет, по Р. Барту, к его разрушению.

Определяющей чертой мифа, по Р. Барту, является его императивный характер. «Отталкиваясь от конкретного понятия, возникая в совершенно определенных обстоятельствах... он обращается непосредственно ко мне... концепт выступает передо мной в качестве признака некоей индивидуальной истории, как доверительное сообщение и как приглашение к соучастию...» [1, с. 90].

М. Элиаде также отмечает личное соучастие субъекта в мифе: миф «проживается» аудиторией [13, с. 46].

Симулякр не подразумевает присутствие личности. Это тоже знак, сообщение, но знак, направленный в толпу, на усредненного пользователя, бездарно. Любой предмет, созданный промышленным способом, спроектирован «для всех» (а значит, не для кого-то конкретно). Тем более, не подразумевает адресата единица гиперреальности. В гиперреальности теряется даже автор, и тем более, не имеет индивидуальности адресат сообщения. Бесконечное репродуцирование портрета Мерилин, рисунка на обоях или логотипа не требует ни существование зрителя, ни автора.

В дизайне модернизма подобное отсутствие подразумеваемой личности адресата было, в некоторой степени, целью. Основной идеей модернизма было создание интернационального стиля, то есть архитектуры и предметов, подходящих для любой страны, для любого человека, вне зависимости от частных предпочтений и характера. Дизайн стремился уравнивать частные предпочтения, классовые и национальные различия.

Симулякр объективен, так как по отношению к симулякру нет того, кто усомнится в его существовании, симулякр находится вне сомневающегося сознания.

Итак, определяющей характеристикой мифа является *субъективность* его восприятия и переживания. Характеристикой симулякра является его *объективность*.

2. Исторический аспект

А. Ф. Лосев пишет: миф есть бытие личности, данное исторически [9, с. 164]. На восприятии событий всегда лежит «густой слой интуиций данной эпохи», что и является мифологией как таковой [Там же, с. 165].

Но история это не только последовательность событий или эпоха, это восприятие хода времени, его направленность. М. Элиаде в «Аспектах мифа» говорит о временном пространстве мифа. Темпоральность мифа связана с «сакральным временем». Миф воспроизводит «возвращение к истокам», к гармонии, к первоначальному единству, рождение заново, инициацию. Причем М. Элиаде подчеркивает, что переживание мифа как экзистенциальный возврат к началу не обязательно характерен именно для первобытного менталитета. Миф – это история, которая должна «постоянно *восстанавливаться в памяти*» [13, с. 112].

То же самое читаем у Р. Барта в «Мифологиях»: мифология обязательно зиждется на историческом основании, ибо миф есть слово, избранное историей, и он не может возникнуть из «природы» вещей.

Симулякр отрицает линейное время. Ж. Бодрийар говорит о «*времени симулякров*». Это *постапокалиптическое* состояние, когда привычные человечеству исторические институты – производство, политическое представительство, революционное движение, диалектика – незаметно заменяются подобиями, обозначающими их «в натуральную величину» [3, с. 24].

Таким образом, миф и симулякр различаются своим темпоральным содержанием. Миф – это всегда история. Она может разворачиваться последовательно в двух направлениях: как «возвращение к истокам», к утраченному раю, к мифической целесообразности и как движение в сторону Апокалипсиса, логического завершения бытия. Симулякр существует *вне* времени. Миф существует в *постапокалиптическое* время, симулякр – в *постапокалиптическое* отсутствие времени.

3. «Чудесный» аспект

Чудо, как обязательный компонент мифа, понимается А. Ф. Лосевым как отождествление двух планов действительности: внешне-исторического и внутренне-замысленного, личности и её алогического становления, результатом которого становится «*идеальная выполненность отвлечённой идеи*» [9, с. 184], или, иными словами, «реально-вещественный образ ставшего предмета» [Там же, с. 185].

Чудо – это определенный метод *интерпретации* исторических событий, а не изыскание каких-то новых событий как таковых. Верующего в чудо нельзя опровергнуть, он *видит* и *знает* чудо [Там же, с. 187].

Чудо – это *мифическая целесообразность* [Там же, с. 192].

Согласно М. Элиаде, миф описывает проявления священного в этом мире.

Для современной мифологии чудесный аспект не менее актуален. В работах Р. Барта утверждается, что субъект современного мифа видит чудесную мифическую целесообразность в действии рекламируемого средства или в идеологии модного глянца. Современный носитель мифологического сознания знает, что дизайн *чудесным образом* сделает его жизнь счастливой, а модная вещь способна *чудесным образом* превратить его в красавца.

Симулякр не содержит ничего чудесного. Во-первых, чудо возможно, только если есть воспринимающая чудо личность; во-вторых, чудо происходит *в* истории, *как* история, оно всегда разворачивается во времени. В-третьих, симулякр принципиально банален, реалистичен. Ж. Бодрийар характеризует гиперреальность

как время, когда жизнь и смерть четко разделяются, смерть превращается в конкретную область, которую следует игнорировать, жизнь становится накоплением благ и избеганием смерти. В этом однозначном разделении нет места чуду, оживлению, волшебному умножению хлебов.

Итак, миф содержит элемент чуда, симулякр не имеет к чуду никакого отношения.

4. Миф и симулякр как слово

А. Ф. Лосев отмечает, что миф – это не просто история, но всегда рассказанная история, «в словах данная». М. Элиаде отмечает, что миф – это «сказание истинное», в отличие от сказок и рассказов – «сказаний вымышленных» [13, с. 112]. Миф даже в самом примитивном понимании – это нечто рассказываемое.

Р. Барт подчеркивает, что миф это текст, слово, сложный знак, сообщение. Причем сообщение не обязательно должно быть высказано вербально: так, стрела, которую прислали для вызова на поединок, становится словом, высказыванием.

Р. Барт рассматривает миф как слово в широком смысле – как текст. Необходимость появления вторичной семиотической системы он связывает именно с особенностями чтения мифа потребителем: «...миф не может положиться на язык, поскольку тот либо предательским образом уничтожает концепт, когда пытается его скрыть, либо срывает с концепта маску, когда его называет» [2, с. 95]. Р. Барт указывает на то, что в мифе «образ естественным путём продуцирует концепт, словно означающее является основанием означаемого», и «миф представляет собой такое слово, в оправдание которого приведены слишком сильные доводы» [Там же, с. 96].

Другой сущностной характеристикой мифа, по Р. Барту, является мотивированность. Миф, в отличие от языкового знака, всегда частично мотивирован, но мотивированность мифа не «естественная» и носит фрагментарный характер.

Миф – это текст, который мотивирован *чудесной мифической целесообразностью*.

Если миф, как текст, характеризуется линейным прочтением, то симулякр, наоборот, стремится к максимально нелинейной, одномоментной репрезентации. Если нет воспринимающего субъекта, то нет и процесса восприятия. Симулякр предстает как факт, как данность.

Ж. Бодрийяр много об этом пишет, например, он говорит о том, что время симулякров стремится к максимальному упрощению коммуникации, развернутый текст превращается в бесконечное тестирование, где ответ заранее задается вопросом. «Каждый знак, каждое сообщение (будь то бытовая функциональная вещь, или какая-нибудь модная причуда, или же любая телепередача, социологический опрос или предвыборное обследование) предстает нам как вопрос / ответ. Вся система коммуникации перешла от сложной синтаксической структуры языка к бинарно-сигналитической системе вопрос / ответ – системе непрерывного тестирования» [3, с. 134].

Таким образом, миф – это *линейно* воспринимаемое *сообщение*, симулякр – *одномоментный ответ* на ожидаемый вопрос.

5. Миф есть реальность и истинное бытие

В формуле А. Ф. Лосева отсутствует еще одно, пятое, звено, которое, тем не менее, у него всегда подчеркивается и является безусловным основанием для всех четырех составляющих мифа. Пользуясь стилистикой А. Ф. Лосева, можно сформулировать пятый аспект как «миф есть реальность и истинное бытие».

А. Ф. Лосев все время возвращается к мысли о том, что миф – это реальность, сама конкретность бытия:

«Миф – не гипотетическая, но *фактическая* реальность, не функция, но результат, вещь, не возможность, но действительность, и притом жизненно и конкретно ощущаемая, творимая и существующая» [9, с. 52].

«Мифическая действительность есть подлинная реальная действительность, не *метафорическая*, не *иносказательная*, но совершенно самостоятельная, доподлинная, которую нужно понимать так, как она есть, совершенно наивно и *буквально*» [Там же, с. 54]. В мифе означающее равно означаемому, составляет с ним «едино-раздельную цельность».

С точки зрения знакообразования, миф является знаком-символом.

М. Элиаде в «Аспектах мифа» также подчеркивает, что «миф говорит только о произошедшем *реально*, о том, что себя в полной мере проявило» [13, с. 34]. Автор «Аспектов мифа» отмечает, что миф всегда имеет отношение к «созданию» и, познавая миф, человек познает «происхождение» вещей.

Абсолютная реальность мифа делает его феноменом, который не требует доказательств, а принимается безусловно. А. Ф. Лосев пишет что, например, Декарт – мифолог, он строит свою философию радикального сомнения на фундаменте собственной мифологии, которая допускает, что «*несомненное* основание» бытия может заключаться в субъекте и в мышлении. «Доказуемое и выводное основывается на недоказуемом и самоочевидном; и мифология только тогда и есть мифология, если она не доказывается» [9, с. 44]. То есть, онтологическим основанием парадигмы рационализма является декартовская «индивидуалистическая и субъективистская мифология», а уже *следствием* данной мифологии становится закрепление в новоевропейской культуре симулякров первого уровня и появление жанра *vanitas*.

Миф всегда находится в основании жизни, является тем фундаментом, на котором строятся умозаключения и совершаются действия. Симулякр, напротив, следствие, итог, результат деятельности, которая совершается в определенной парадигме.

Вещь в мифологической реальности обретает дополнительное качество бытия. И наоборот, чем меньше в вещи мифологического содержания, тем менее она существует. «Нельзя, например, быть настолько нечутким, чтобы не видеть разницы между стеарином и воском, между керосином и деревянным маслом, между одеколоном и ладаном... Мифический смысл вещи не мешает ей быть вещью, а скорее, наоборот, как-то подчеркивает её вещность» [Там же, с. 91].

Симулякр, напротив, уменьшает бытие вещи. Уже симулякры второго уровня – производственные аналоги – нивелируют мифологическое содержание вещи. Пластмасса – универсальный материал, популярность которого совпадает с расцветом симулякров второго и третьего порядка, – заменяет все мифологически наполненные материалы – дерево, металл, камень. (Пластмассу и стекло как материалы, характерные именно для современного состояния вещей, рассматривает и Р. Барт.) Симулякры третьего порядка принципиально невещественны. Они существуют в гиперреальности, в сети, в мире представлений. Симулякр четвертого порядка, если допустить его существование, – пустота, обозначающая пустоту, сводит бытие к абсолютному нулю.

Миф – это реальное бытие, в котором не разделяются вещь и её обозначение. Означающее в вещи сливается с означаемым. Вещь, мифологическое содержание которой достигло максимума, – эйдос Платона.

Симулякр, напротив, характеризуется наличием означающего и постепенным (в зависимости от уровня симулякра) исчезновением означаемого. В симулякрах четвертого уровня исчезает и означающее, знак сводится к полному небытию.

Через весь «Символический обмен и смерть» красной нитью проходит идея исчезновения бытия, пустоты. Гиперреальность – это не более полная реальность, а утрата реальности.

Симулякры в искусстве и в жизни (что в гиперреальности неразлично) являются инструментом истребления бытия. «Из того же разряда и разрушение реальности в гиперреализме, в тщательной редукации реальности, особенно опосредованной другим репродуктивным материалом (рекламным плакатом, фотографией и т.д.): при переводе из одного материала в другой реальность улетучивается, становится аллегорией смерти, но самим этим разрушением она и укрепляется, превращается в реальность для реальности, в фетишизм утраченного объекта; вместо объекта репрезентации – экстаз его отрицания и ритуального уничтожения: гиперреальность» [3, с. 149].

Симулякры – это знаки, которые создают искусственную среду, ненастоящую реальность. «Искусство теперь повсюду, поскольку в самом сердце реальности теперь – искусственность» [Там же, с. 154].

Ж. Бодрийяр постоянно подчеркивает, что в симулякре нет означаемого, и тем более нет *трансцендентного* означаемого, отсылающего к подлинному бытию. «В мире знаков нет “заднего смысла”, нет бессознательного (которое представляет собой последнюю, самую хитрую из коннотаций и рационализаций)» [Там же, с. 182].

Симулякр четвертого порядка – пустое означающее, указывающее на пустое означаемое – представляет собой окончательное утверждение смерти. Внешняя пустота (пустота всегда равна другой пустоте), указывающая на внутреннюю пустоту – это даже не метафора, а совершенное семиотическое представление смерти.

Миф, напротив, всегда пытается указать на реальность, на более полное и качественное бытие, на жизнь как идею. Миф – это утверждение жизни, симулякр утверждает смерть.

В мифологической реальности жизнь и смерть представляют собой единый процесс, бытие. Миф говорит о бессмертии, о чуде. Для современной культуры, по Ж. Бодрийяру, специфична смерть как научный факт: «Машина работает или не работает. Так же и биологическая машина бывает жива или мертва» [Там же, с. 284]. Жизнь становится процессом избегания смерти.

Современная парадигма гиперреальности диктует тенденцию замены бытия небытием, вещей и явлений симулякрами. Параллельно – сознательно и бессознательно – человек ищет и создает ситуации, в которых бытие ощущается более полно и четко, – так возникает современная мифология.

Подведем итог:

1. Симулякр и миф представляют собой разный тип знаков. Симулякр отсылает только к самому себе. Миф отсылает к трансцендентному означаемому. Симулякр – это знак без означаемого, миф – это знак-символ.

2. Миф всегда субъективен, он обращен к личности и воспринимается личностью. Симулякр обращен к обезличенному «пользователю».

3. Миф разворачивается как история в линейном времени, и направленность этого времени – к Апокалипсису или к изначальной гармонии. Симулякр находится вне линейного времени, в постапокалипсическом мире.

4. Миф – это линейно воспринимаемое сообщение. Симулякр – это одномоментный факт.

5. Миф мотивирован чудесной целесообразностью. Симулякр не мотивирован, это просто данность, причем ожидаемая.

6. Миф – это субъективная реальность и подлинное бытие, симулякр – это объективное отсутствие реальности и утрата бытия.

Таким образом, онтологический смысл понятий «миф» и «симулякр» диаметрально противоположен. Миф – это субъективное переживание, субъективное бытие, то есть жизнь. Симулякр – это объективное небытие, то есть смерть. Или, учитывая то, что и миф, и симулякр – это знаковые формы: миф – это *сообщение* о бытии, а симулякр – это *сообщение* о небытии.

Список источников

1. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр.; сост., общ. ред. и вступ. ст. Г. К. Косикова. М.: Прогресс, 1989. 616 с.
2. Барт Р. Мифологии / пер. с фр.; вступ. ст. и сост. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2004. 320 с.
3. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / пер. с фр. М.: Добросвет, 2000. 387 с.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция / пер. О. А. Печенкина. Тула, 2013. 204 с.
5. Бодрийяр Ж. Соблазн / пер. с фр. А. Гараджи; вступ. ст. Е. Петровской. М.: Ad Marginem, 2000. 320 с.
6. Декарт Р. Рассуждение о методе / пер. М. Позднева, Н. Сретенского, А. Гутермана. СПб.: Азбука-Аттикус, 2018. 320 с.

7. Делёз Ж. Платон и симулякр [Электронный ресурс]. URL: http://rumagic.com/ru_zar/sci_philosophy/delez/5/j80.html (дата обращения: 03.10.2018).
8. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
9. Лосев А. Ф. Диалектика мифа / сост., подг., общ. ред. А. А. Тахо-Годи, В. П. Троицкого. М.: Мысль, 2001. 558+1 с.
10. Платон. Апология Сократа, Критон, Ион, Протагор / общ. ред. А. Ф. Лосева и др.; авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; примеч. А. А. Тахо-Годи; пер. с древнегреч. М.: Мысль, 1999. 864 с.
11. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / пер. с фр. В. П. Визгина, Н. С. Автономовой; вступ. ст. Н. С. Автономовой. СПб.: А-сэд, 1994. 406 с.
12. Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с ит. В. Г. Резник, А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.
13. Элиаде М. Аспекты мифа / пер. с фр. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 240 с.
14. Kovalenko E. M. Semiotic nature of simulacrum // Modern scientific research and their practical application. 2013. Vol. J21315. P. 395-400.

MYTH AND SIMULACRUM AS OPPOSITE CATEGORIES

Pankratova Aleksandra Vladimirovna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
National Research University "Moscow Power Engineering Institute"
sashaoscar@mail.ru

The article presents the comparative analysis of the categories "myth" and "simulacrum" in order to establish the difference in the ontological status of these notions. The relevance of the study is connected with the need for the correct use of the categories "myth" and "simulacrum" in understanding the phenomena of modern culture. The comparison is based on four aspects of the myth by A. F. Losev: personality, history, word, miracle, and is complemented by the fifth aspect – being. As a result, the author ascertains that the content of the notions "myth" and "simulacrum" is opposite: myth is a message about being, and simulacrum is a message about non-being.

Key words and phrases: myth; simulacrum; simulation; sign; subject of myth; miracle; word; message; history; subjective being; objective non-being.

УДК 1

Дата поступления рукописи: 24.09.2018

<https://doi.org/10.30853/manuscript.2018-11-2.24>

Комиксы как симбиоз литературного жанра и изобразительного искусства, дезавуированные советской идеологией, в течение долгого времени не находили официального признания в отечественном научном сообществе. Исследование, однако, позволяет констатировать, что комиксы в СССР не только существовали, но и применялись весьма продуктивно в качестве инструмента воздействия на массовое сознание советских граждан. В статье проводится анализ советских комиксов, определяются основные стратегии их использования в целях воздействия на массовое сознание, предлагаются практические рекомендации по их использованию в современных условиях.

Ключевые слова и фразы: воздействие; комикс; массовая культура; массовое сознание; пропаганда; стратегия.

Пушкин Сергей Алексеевич

Нижегородский государственный технический университет имени Р. Е. Алексеева
sp_87@inbox.ru

СОВЕТСКИЕ КОМИКСЫ КАК ИНСТРУМЕНТ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА МАССОВОЕ СОЗНАНИЕ

Большинство современных отечественных культурологов достаточно лояльно относятся к продуктам индустрии массовой культуры. Такое отношение обусловлено, как отмечает А. Я. Флиер, кардинальными изменениями самой жизненной стратегии, ориентированной на массовую культуру с ее принципами максимальной толерантности и адаптивности, которая одновременно отличается высокой пластичностью и наиболее интенсивной технической и информационной обеспеченностью, используемой главным образом для развлечения. Характерной особенностью массовой культуры также является её стремление сочетать культурные интересы всех актуальных потребителей [18, с. 26]. Сегодня основными проводниками массовой культуры в России, как известно, являются телевидение, кинематограф и Интернет. Очевидно и то, что численность потребителей массовой культуры неуклонно растет.

Среди продуктов массовой культуры у современных потребителей всех возрастных категорий особой популярностью пользуются комиксы. Многие из них явились исходным материалом для создания всемирно известных кинофильмов и компьютерных игр, которые, в свою очередь, в значительной степени способствовали пополнению армии поклонников комиксов. Феномен популярности комиксов обусловлен тем, что комиксы доступны как по цене, так и для понимания подавляющему большинству потребителей массовой культуры.